
Александр ПЕТРУШКИН

СУРДОКАМЕРА

Низкий звук и высокий вращаются в круге,
в темном оттиске эха шахтер земляной —
протянув пред собою замерзшие руки,
словно крот разрывной, закрывает собой

это небо, как провод, что в левой лопатке
истончает остаток древесный угля,
где видны, как деревья, у ангелов пятки,
чтобы больше не ведать любого числа.

Эти даты округлы, как время в разрыве,
где любая порода, как иней, честна,
где висишь пред разрезом мороза безвидным
и стучит, словно дятел, в него высота.

Развернешь ли бумагу из звука и звука,
опустившись туда, где болит перевод —
словно эхо и кровь, стали тьмы парашютом,
где душа, как шахтеры и лошадь, взойдет.

* * *

Место, в которое ты прорастешь, назовет тебя крест,
вылетев ласточкой сразу из многих гнезд,
объединится в одно большое, так будто весть

застала ее и стала камнем, отяжелев над рекой,
и отмороженной водит своей рукой,
словно бы скульптор у выдоха над губой,

у ласточки одновременной, той, что закрыла их
отсутствие и прирастает, как яма в двоих своих
крыльях — мерцание шьющих то вверх, то вниз,

и кажется, что отреза полета хватит всем на троих.

Вот же ты, вот — дотронься — пойдут круги,
ласточки, гнезда, места, как земли тюки,

Александр Петрушкин родился в 1972 году в Озерске. Публиковался в журналах «Урал», «Транзит-Урал», «Крещатик», «Уральская новь», «Уральский следопыт», «День и ночь», «Нева», «Дети Ра», «Футурум-Арт», «Зинзивер», «Воздух», «Волга», «Волга-21 век», «Знамя», «Text only», «Топос», «Полутона», «Новые облака» и многих других изданиях. Автор нескольких сборников стихотворений. Координатор евразийского журнального портала «МЕГАЛИТ». Живет в г. Кыштым Челябинской области.

повозки выдохов, сжатых — как радость в страх —
в место, которое, как гнездо из глины,
ты носишь в полых устах.

* * *

Птица расслоится на полет,
с лабиринтом воздуха столкнувшись —
то кивает, то себя поет,
посредине смерти обнаружив

все снаружи, что внутри, и внутрь
смотрит или кажется кровавым
чудом — капает, как голос [сиречь жуть].
Чтобы слить в единое неправых

с их неправотой, по часовой
разводя, как вывихи и стрелки,
птица все двойится на полет
и того, кто за полетом встретит.

Вглядываясь в эту пустоту,
что несет в себе ее опору —
птица то пикирует, то вновь
оживает, чем подобна вору,

в месиве из зрения дрожит,
оживает на своей изнанке
и стучится к этому отцу
из тоннеля смерти, как из мамки.

МАЯТНИК ФУКО

Стоит и петь, и плыть или быть рекой —
блажен темный маятник или блажлив, как всяк
начавший быть человек, что своей немотой —
почти как рукой — разжигает времен очаг.

Дернешь рычаг — понесется по небу вскачь
стремный свой ангел, слямзивший мглы язык, —
я бы все уравнивал, но растет ловкач
с рожей моей, выбранной из вины.

Что ж ты бранишься, галка, да вьешь гнездо
и достоешь звезду из воды лица? —
маятник делает круг, точнее, восьмерку и все крыльцо
снимает, как пленку засвеченную и взгляд отца.

Стоит и петь и плыть, и грести сквозь снег,
воздух оставив нитям, камням, вора
там, где идем по мостику из воды
или часы, как песок, над водой хрустят.

* * *

То девять звезд внутри собора
своей жестянкой шелестят,
то звон очертит огорода
и участь, и слепых котят,

то никакого Бога нету,
то Он разделит твердь и тварь
и дырочку в тебе просверлит,
чтоб легче было умирать.

То лампа копоть и морозы
накопит на огонь и свист,
то встанут в круг сквозной березы,
чтоб сок нечеловечий пить,

то лев, свернувшись, как изнанка
пустыни или кровь моя,
летит, как кров, и умывает
котят слепых внутри огня.

И я кручу, как будто белка,
как свет округлый, колесо,
где девять звезд на звук надето
и невозможно хорошо.

* * *

Не сад, а огород,
не птица, а трещотка,
впадающая в ересь
из ранней темноты,

где злости больше нет
и небо как щекотка
и щель густой воды
вдоль перышка висит.

Лепечут мертвецы
с той стороны, где жалость,
как стыд и смерть, совсем —
совсем отменена

и плавится, как мед,
слеза, а что осталось
в ее смешной земле —
совсем уже не я.

СОСЕД

Размежеваться. Что там, Боже мой, сосед, ты говорил горящими волнами, другими человечками, когда, как хворост неба всеми языками, мне вылепил и дочь, и мать, и дом, и тарангас простуды. В эти хрипы что приходило? — мне не отличить, не рассмотреть — темна моя обитель, черны сосуды, то есть скуден я, и вороват язык. В твоём ли сите

лежу теперь прозрачный и немой, скрипящий всей кирзой, соприкоснувшись с твоим прощением, а что точней — с виной моей. Стыдом в дыхание раздувшись, я все расту смертельным леденцом и слова восхитительного ядом и падаю к земле твоей лицом — снежком твоим, в твое горенье, рядом со мной лежит твой хворост, в смысле свет, как циркуль и окружность звездопада.

Но имя чудно! — что тебе с него? — на поиски ты вышел спозаранку и видишь, как убогая свирель зализывает словом твоим ранку.

* * *

Прости, что песенка одна катается в трамвае сна и видит тень мою и звон, что снег, поднявшийся кругом, изъят с земли, идет обратно, как кругосветный идиот, что видит нас теперь, как пятна, и крылья темной буквы о, что птицелов, поймавший небо, его отпустит в небеса, и, как подросток, наша муза все ждет от тела чудеса,

что хлеб прозрачен (в смысле — точен), что несвобода нам дана для перспективы там, где в хлеве верней заучена звезда, что сосны в птицах ночь качались, как будто шляпками они, как умозрительные стаи среди воды, по водам шли и шито мертвым было тело, и оживало лишь пальто, как стая ангелов, что слева шагнет в ничто,

что эти мраморные тени мы, словно буквы, обрели, как якорное перекрестье внутри земли, что в зернах этих, вверх подвижных, прекрасна наша слепота, где за младенчиком, как в спирте, растёт невидимо душа, узрев озябшее дно кожи, в котором звуки далеки. Катайся, песенка, — быть может, тебя уловят рыбаки.